

вили заслонки. Наконец, когда я решил, что у меня достаточно аргументов, я позвонил пресс-секретарю Ястржембскому и сказал, что через 40 минут выхожу в эфир и говорю о госпитализации. Он сказал тогда, что президент отдыхает на Валдае. И я выпустил информацию о том, что президент в больнице, но не забыл упомянуть, что, по сообщению Ястржембского, Ельцин отдыхает на Валдае. Это нормальная журналистика, уважительное отношение между ньюсмейкерами и политиками.

— Мне кажется, нынешняя политическая система вас во многом не устраивает. В то же время существующая свобода слова очень важна. Как найти границы умной подачи информации, чтобы сохранить уровень свободы слова и в то же время постоянно «наезжать» на властные структуры? При этом, атакуя власть, вы автоматически настраиваете людей против этой системы...

— Единственную войну, которую радио «Эхо Москвы» будет вести, — это война за свободу слова. Кто будет на нее наступать, с тем и будем воевать. Это надо рассматривать как шкурный интерес. Второе. Никого, никогда мы не будем воспитывать. У нас — информация, хотя, отбрасывая ее, мы уже субъективны. Но это исходит от наших представлений о жизни. Я считаю, что СМИ должны быть настроены критически по отношению к власти, но убежден, что пресса не может быть участником политических разборок.

— А то, что вы историк по образованию...

— Я не историк — я учитель истории; это разные вещи. Я не архивная крыса.

— Вам не кажется, что многие из тех, кто находится сейчас у власти, — это временщики, лишние люди?

— Как показывает история, зрящих людей в политике не бывает — все равно создается

шенно замечательно жил в советское время.

— Алексей, глядя на вас, на вашу непричесанность в лучшем смысле этого слова...

— Во всех смыслах.

— Хорошо: во всех смыс-

— Мне трудно навесить лапшу на уши. Когда некоторые начинают рассказывать про процессы, которые шли, например, во время французской революции, то я всех этих господ частенько ставлю на место. На этом я ловил и Зюганова, и Явлинского. Просто не надо связываться с профессионалом.

некий баланс. «Лишность» в истории определяет сама история. Разве Зюганов — лишний человек? Нет, он указывает на очень важную тенденцию в российском обществе, на тяжелое наследие, которое сидит в каждом из нас. Жириновский — лишний? Ничего подобного: он бодрит, он показывает, что может случиться, если не будет сделано то-то и то-то. Поэтому каждый вносит свой вклад.

— Сколько лет вы уже преподаете историю?

— Двадцать.

— Когда вы начинали учить, излагали на своих уроках не только официальные исторические версии?

— У меня были неприятности, были кое-какие предупреждения, но это совершенно не являлось диссидентством. Я свято верил в марксистскую теорию о смене экономических формаций. Тогда это казалось правильным. Да, я старался делать уроки интереснее, давать темы шире, но бойцом не был и совер-

лах. Глядя на вас, я ощущаю, что вы как бы до сих пор стоите на августовских баррикадах. То есть сохраняете в себе романтизм конца 80-х — начала 90-х. Действительно ли у вас остались те же идеалы или уже потихонечку подкрадывается столь модный сейчас прагматизм?

— Ну, на баррикадах я как раз не стоял. А что касается идеалов, то, конечно, были иллюзии, что закончится этот социализм — и все у нас получится. Сам же я последние 10 лет дрейфую от государственника к либералу. Вообще, люди меняются. Я прекрасно помню Чубайса в 92-м году. Думаю, что и у него были иллюзии. Сейчас он так же заматерел, как и я. Он стал более жестким, более «бульдозерным», менее человечным в смысле эмоций. Он готов идти на те компромиссы, на которые раньше бы не пошел. Правда, я не знаю, хорошо это или плохо с точки зрения тех задач, которые он перед собой ставит. Видимо, такие изменения в нас — объективный процесс. Но у меня это не измене-

ние позиции, а смена взглядов.

— То есть вы живете и работаете в согласии с самим собой?

— Пока да. У меня есть школа, куда я всегда могу уйти. В последнее время мне было сделано два очень серьезных предложения, которые по размеру оплаты несравнимы с «Эхом Москвы». Но я отказался, потому что здесь я делаю что хочу. Я действительно ни от кого не завишу или по крайней мере не чувствую эту зависимость.

— Насколько в наше время возможно иметь столь высокую степень независимости?

— Все разговоры с Гусинским о радио «Эхо Москвы» сводятся к одному: ребята, окупайтесь. Как — неважно. На самом деле мы для него — прежде всего коммерческий проект. Ни разу он не вмешивался в информационную политику радио.

Почти все люди, которые сейчас у власти, — это люди моего возраста. Мы воспитывались на одних книжках, смотрели те же фильмы. Мы друг друга понимаем, хотя и не всегда соглашаемся. Но мне разговаривать с ними легко. Поэтому, если появляются какие-то претензии, идет давление, все вопросы переводят на меня. Мои сотрудники прикидываются чайниками, и чувствую что: «Это к Венедиктову».

— Я вижу, насколько вы любите свою работу, насколько она вас затягивает. Ну, а что есть кроме радио и преподавания истории?

— Книжки и путешествия. Правда, когда я приезжаю куда-нибудь, то весь первый день сплю. Представляете: приезжаю в Париж и сутки сплю. Зато потом брожу по городу, люблю быть в толпе, в метро. Не люблю музеев. Тусовок не люблю. Ужас-

но люблю друзей, на которых, к сожалению, нет времени. А ночью — читаю.

— Что читаете?

— Конечно, прессу в огромном количестве и фантастику. Серьезная литература просто не идет. Купил видеомagnetofон, иногда посматриваю по нему сказки типа «Сердце дракона».

— Не хочется напрягаться?

— Да, к сожалению.

— Что еще любите?

— Поесть. Хотя в основном ограничиваюсь бутербродами, но если дорвусь до хорошего ресторана, то могу час просидеть с мясом наедине. Очень сильно помогает в жизни. Еще люблю беседовать с остроумными людьми. Люблю, когда меня «умывают» в разговоре. Среди таких людей иногда меня переигрывает Немцов, пару раз подавлял Лившиц, Гайдар, несколько раз — Жириновский. Очень остроумный человек — Уринсон. Люблю ходить с второклассниками на экскурсии в Кремль, бродить вокруг шедевров Церетели; люблю своих учеников.

— Да, вся жизнь крутится вокруг работы и около. Жене-то каково?

— Тяжело, не спорю.

— Просто жалко жену вашу...

— А что делать? «Полюбите нас черненькими, а беленькими каждый полюбит».

— Но супруга вас понимает?

— Думаю, да. По-другому я жить не могу, иначе это был бы уже не я. А зачем я ей нужен другой? Во всяком случае, каждое утро нахожу в холодильнике приготовленные для меня бутерброды. Это очень важно, это большой признак любви, я считаю.

МК

